

Александра Яцык

Eleonora Narvselius. Ukrainian Intelligentsia in Post-Soviet L'viv: Narratives, Identity, and Power. Lanham, MD: Lexington Books, 2012. 432 pp. ISBN 978-0-7391-6468-6.

Александра Яцык. Адрес для переписки: Казанский федеральный университет, Институт массовых коммуникаций и социальных наук, кафедра журналистики, ул. Кремлёвская, 18, Казань, 420008, Россия. ayatsyk@gmail.com.

Книга этнолога Элеоноры Нарвселиус, работающей в Центре языков и литературы Лундского университета, посвящена изучению постсоветской львовской интеллигенции. Автор размышляет о месте и роли интеллигенции в современной Украине – как в поле символического, так и в физическом пространстве самого города. Что значит быть представителем постсоветской украинской интеллигенции во Львове? Как львовская интеллигенция может влиять на формирование постсоветской украинской идентичности, и какие локальные, региональные и национальные смыслы она должна производить? Исследовательница связывает свои вопросы с конкретной географической точкой на карте Украины, однако книга претендует на гораздо более высокий уровень генерализации. В нарративах информантов трех поколений – шестидесятников, интеллигенции брежневской эпохи и тех, кто родился в 1980-е, – мы прочитываем реакцию образованного украиноязычного сообщества на распространенные, в частности в России, идеи о «западных» истоках постсоветского украинского национализма. В свете недавних событий в украино-российских отношениях эта тема оказывается как никогда актуальной.

Комбинируя бурдьезианский подход с концепцией социального перформанса (Alexander, Giesen, and Mast 2006), Элеонора Нарвселиус последовательно обращается к коллективным символам и смыслам, составляющим идентичность львовской интеллигенции, а также к пространствам и мизансценам, в которых они «представляются» аудитории. В первых трех главах она анализирует исторические и культурные условия, в которых происходило формирование львовского образованного сословия. По ее мнению, постсоветский концепт украиноязычной львовской интеллигенции базировался на двух противоречащих друг другу нарративах. Первый включал образ «старой» галицийской интеллигенции Габсбургского периода. Эта коллективная идентичность характеризовалась приверженностью ценностям патриотизма, строгой моралью и специфической бюргерской гражданственностью. Второй отсылал к недавнему советскому прошлому, в котором интеллигенция воспринималась как объект манипуляции, а ее функция – быть «рупором общественной рефлексии» – существовала лишь номинально.

Столь сложный набор групповых идентификаций обусловил появление новых тенденций в самоописании молодых образованных львовян, которые развивали идею «нормализации» украинского общества в соответствии с моральными традициями современного западного мира. Автор рассуждает о том, что, в отли-

чие от прежнего, центральноевропейского, типа интеллигенции, которая упрочивала свой авторитет через обращение к «собственному» народу, «собственному» сообществу, новый тип интеллектуалов скорее апеллировал к широкой публике и интернациональной аудитории, разделяя при этом ценности культурных производителей прежних поколений. Так, в пятой главе книги («“Между хамом и рыцарем”: “другие” и alter ego львовской интеллигенции») автор подробно говорит о сущностном качестве интеллигенции – интеллигентности, противопоставляя ей негативные и позитивные коллективные репрезентации «народа» и политической элиты.

В шестой, седьмой и восьмой главах исследовательница обсуждает странственные аспекты самоидентификации львовской интеллигенции. Согласно Нарвселиус, интеллигенция осознает себя через локальный (львовский), региональный (галицийский), национальный (украинский) и наднациональный (европейский) дискурсы. Мы видим здесь нарративы, повествующие о Львове одновременно как о культурной метрополии, колыбели украинского национализма, украинском Пьемонте, восточноевропейском Страсбурге, границе между Европой и не-Европой, Азией и Евразией и, наконец, постсоветских «задворках». Автор показывает, как образ мультикультурного Львова – перекрестка религиозных, этнических и цивилизационных границ, эпицентра националистической мобилизации и культурной столицы – конструируется стратегиями «нормализации», «продажи», «восхваления» и «экзотизации» (с. 371). Исследовательница упоминает здесь известную триаду «Львов – Киев – Донецк», в которой, следуя идеям «западенского» писателя Юрия Андруховича, львовская интеллигенция реализует проект внутренней национальной культурной колонизации, европеизации и интеллектуальной интервенции (с. 323). В девятой главе («Открывая ящик Пандоры: коллективные памяти и “белые пятна” украинского прошлого в исторических нарративах львовской интеллигенции») автор демонстрирует, как различные образы Львова находят свое воплощение в публичном пространстве города: в переименованных улицах, памятниках, ресторанных брендах.

По мнению Элеоноры Нарвселиус, существование феномена львовского украинского национального самосознания оказалось возможным благодаря стечению ряда исторических и социальных обстоятельств. Важнейшими из них являются пограничное положение города, его мультиполярность, включенность в различные контексты, центральное положение в Галиции и периферийное – в советской империи, наличие городских публичных мест и пространств интеллектуальной автономии, приверженность локального сообщества культурным традициям и памятью о прошлом. Это положение *between and betwixt* формировало чувствительность интеллектуального сообщества к культурным различиям и порождало множество вариантов собственного позиционирования в мире постмодерных неопределенностей. Одним из таких вариантов стал образ Львова как «осажденной крепости», «последней территории», «гетто» украинского национализма. Этот образ был важным элементом в конструировании национальной украинской идентичности в политическом дискурсе, но не представлял стоящую за ним интеллигенцию как выразителя интересов всего народа и государства.

В заключение автор говорит о том, что за последние двадцать лет во Львове выросло новое поколение украиноязычных интеллектуалов, которое имеет опыт жизни в Центральной Европе при падении авторитарных режимов. По мнению Нарвселиус, жизненные траектории представителей этого поколения дают основания говорить о появлении новых стратегий культурного производства национальной идентичности.

Согласиться ли с этими выводами – решать самим читателям. Не могу, однако, не вспомнить здесь лишь об одном страшном факте: книга вышла в 2012 году, а в феврале 2014 года 28-летний львовский историк Богдан Сольчаник был убит снайперским выстрелом, отстаивая в городе Киеве, как и другие «бойцы небесной сотни», идею единой европейской Украины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Alexander, Jeffrey C., Bernhard Giesen, and Jason L. Mast, eds. 2006. *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual*. Cambridge: Cambridge University Press.